

но и основал новую для армянской фольклористики научную дисциплину. Своим трудом А. Т. Ганалаян фактически сделал большой научный вклад в советское армянское народоведение.

Перевод этого труда на русский язык приобретает иное значение. Это первый (к сожалению, пока единственный) случай, когда переводится на русский язык научный свод целого жанра армянского фольклора с исследованием и обширным научным аппаратом. Не только русские фольклористы, но и все читатели, которым доступен русский язык, смогут широко пользоваться русским вариантом свода армянских преданий как достоверным источником. Благодаря русскому переводу, армянские предания входят в международный научный оборот и становятся предметом сравнительного исследования, и, наконец, учитывая современные научные интересы в области международного изучения несказанных жанров фольклорной прозы и внимания к проблеме научной классификации преданий, отметим, что труд А. Т. Ганалаяна, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов.

С. Б. Арутюнян

В. И. Молодин. *Кыштовский могильник*. Новосибирск, 1979, 180 с.

Одним из существенных пробелов в исследовании этнической истории народов Западной Сибири является недостаточная изученность эпохи позднего средневековья и нового времени, непосредственно смыкающихся с этнографической современностью. Письменные источники XVII—XVIII вв. при всей их информативности не дают, как правило, полного представления о материальной и духовной культуре населения, которое в них упоминается. В этих условиях первостепенное значение приобретают целенаправленные раскопки поздних археологических памятников, вещественные остатки которых с полным основанием могут быть названы палеоэтнографическими источниками. Именно так подходили к ним выдающиеся советские исследователи — С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, А. П. Дульзон. Классическим примером подобного рода исследования стала работа А. П. Окладникова «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея» (1950 г.). В последующие годы появились интересные публикации по палеоэтнографии тувинцев (С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова) и якутов (И. В. Константинов). Однако далеко не во всех районах Сибири обнаружены более или менее представительные палеоэтнографические комплексы. До недавнего времени к ним относились и Барабинская лесостепь на юге Западной Сибири, интенсивное изучение прошлого которой началось только в самое последнее время. Среди многочисленных открытых здесь памятников различных археологических эпох выделяется Кыштовский могильник, публикации и этнокультурной интерпретации материалов которого и посвящена рецензируемая книга.

Кыштовский комплекс, состоящий из двух могильников (Кыштовка-1, Кыштовка-2), исследован монографически. Могильник Кыштовка-2, описание которого составляет основную часть работы (глава I), насчитывает 140 курганов, в которых было найдено в общей сложности более 500 вещей. Среди них — орудия труда и предметы вооружения, украшения, детали конской упряжи, предметы личного обихода и, что особенно важно, монеты и счетные жетоны, благодаря которым могильник датируется довольно узким отрезком времени — концом XVII — первой половиной XVIII в. (с. 62). Сама по себе коллекция находок Кыштовского могильника весьма значительна — ничего подобного в Барабинской лесостепи и на сопредельных территориях до этого известно не было. Особенно ценно в ней то, что некоторые предметы представлены целыми сериями. Это позволило не только дать их подробную сравнительную характеристику, но и подойти к вопросам типологизации с учетом технологии производства (глава II). Разделы о проушных топорах (19 экз.), ножах (47 экз.), серьгах (47 экз.) и перстнях (39 экз.) представляют по сути дела первые детальные типологические разработки, имеющие важное значение для изучения материальной культуры народов Западной Сибири в недавнем прошлом. Уникальной находкой является металлическое зеркало с богато украшенной внешней поверхностью из кургана 80, по-видимому, среднеазиатского или иранского происхождения (с. 97—99).

Тщательный анализ погребального обряда и предметов сопроводительного инвентаря позволил поставить вопрос и об этнической принадлежности памятника (глава III). Следует отметить, что в условиях Барабинской лесостепи, являвшейся «местом контактов между несколькими этническими группами: хантов — с северо-запада, селькупов — с северо-востока, тюркоязычных племен (барабинских татар) — с юга и иртышских татар — с запада» (с. 3), это задача наиболее сложная и ответственная, требующая в первую очередь правильного методического подхода. Автор обоснованно считает, что на этом этапе исследования «во главу угла следует поставить анализ прежде всего погребального обряда», а затем «выделение в вещественном комплексе тех предметов, которые менее всего оказались бы подверженными влиянию русской материальной культуры, т. е. в большей степени сохранили бы в себе характерные черты, присущие определенной этнической группе» (с. 102, 103). Руководствуясь этим принципом, В. И. Мо-

лодин выделяет небольшую часть погребений барабинских татар, отличающуюся своим образом инвентаря, например наличием керамики, а все остальные курганы Кыштовского могильника, сравнивая их с известными ранее памятниками селькупов, чулымцев, хантов и манси, относит к хантам, в особенности к южной их группе. Мнение о хантской принадлежности основной массы кыштовских погребений хорошо подтверждается анализом многих предметов, которые автор считает этнически показательными — перстней, оловянных решеточек, нашитых бляшек. Среди них наибольший интерес представляют решеточки, найденные в области таза, аналогичные тем, которые, по данным С. И. Руденко, нашивались на «поясе стыдливости хантских женщин» (с. 108). Результаты этнической интерпретации материалов Кыштовского могильника трудно переоценить — они свидетельствуют о более южном в прошлом расселении предков современных хантов, их сложном этническом составе и процессах этнической ассимиляции, происходивших в протохантской среде на рубеже XVII—XVIII вв.

На последних страницах книги говорится о южных чертах погребального комплекса Кыштовского могильника (кости лошади в насыпях, отдельные предметы конского снаряжения, курительные трубки), вызванных, по мнению автора, «сильными контактами представителей южной группы хантов с барабинскими татарами» (с. 109). Однако если появление данных вещей, одновременных всему остальному комплексу, действительно связано с влиянием соседних барабинцев, то общая южная ориентация генезиса ряда предметов сопроводительного инвентаря, отражающая начальные этапы сложения культуры южных хантов и поэтому очень важная в этногенетическом отношении, только намечена в работе и может быть существенно дополнена. В этом аспекте обращают на себя внимание многочисленные параллели между материалами Кыштовского комплекса и сrostкинской культурой Северного Алтая и Восточного Казахстана IX—X вв. Некоторые из них отмечены самим автором — гирька от кистеня (с. 75) и напоминающие сrostкинские бронзовые бляхи из могильника Кыштовка-1, рассматриваемые автором «как пережиточное явление» (с. 110). К ним можно добавить фигурную накладку от ножа с циркульным орнаментом (с. 74), возможно, крюки (в работе неудачное выражение — «крючья») от колчанов на прямоугольной пластине (с. 81, 82), серьги III типа (по классификации В. И. Молодина) с фигурной подвеской (с. 93), перстни со щитком, впервые появляющиеся в памятниках Восточного Казахстана именно в это время (с. 87—89), ажурную подвеску из кургана 89, которая, кстати, была найдена не в области таза, как остальные решеточки, а у плечевой кости погребенной женщины (с. 46). В итоге в кыштовских материалах выделяется своеобразный сrostкинский комплекс, что вряд ли можно считать случайным, несмотря на разделяющее их время. Факт принадлежности к району бассейна Иртыша, важнейшей водной артерии Восточного Казахстана и южной части Западной Сибири, должен был исторически привести к постепенной инфильтрации южных культурных элементов в северную (протохантскую) среду.

Из недостатков рецензируемой книги следует отметить отсутствие антропологических определений, о чем сам автор справедливо жалеет (с. 9, 61); неясное представление о характере этнической общности, оставившей могильник Кыштовка-2, — по словам автора, он сооружался «представителями какого-то одного территориального (?) объединения» (с. 103); отсутствие в описании ссылок на соответствующие таблицы с планами погребений. Однако они ни в коей мере не снижают общего положительного впечатления от работы. Несмотря на свое сугубо археологическое название, книга В. И. Молодина «Кыштовский могильник» представляет собой пример комплексного исследования, написанного на стыке археологии и этнографии, т. е. палеоэтнографического по своему замыслу и содержанию. Разнообразный новый материал, вдумчивая, тщательная в анализе и осторожная в выводах его интерпретация привели автора к важным историко-культурным и этногенетическим обобщениям, которые в равной степени с большим интересом будут встречены как археологами, так и этнографами, занимающимися вопросами этнической истории народов Западной Сибири.

Д. Г. Савинов